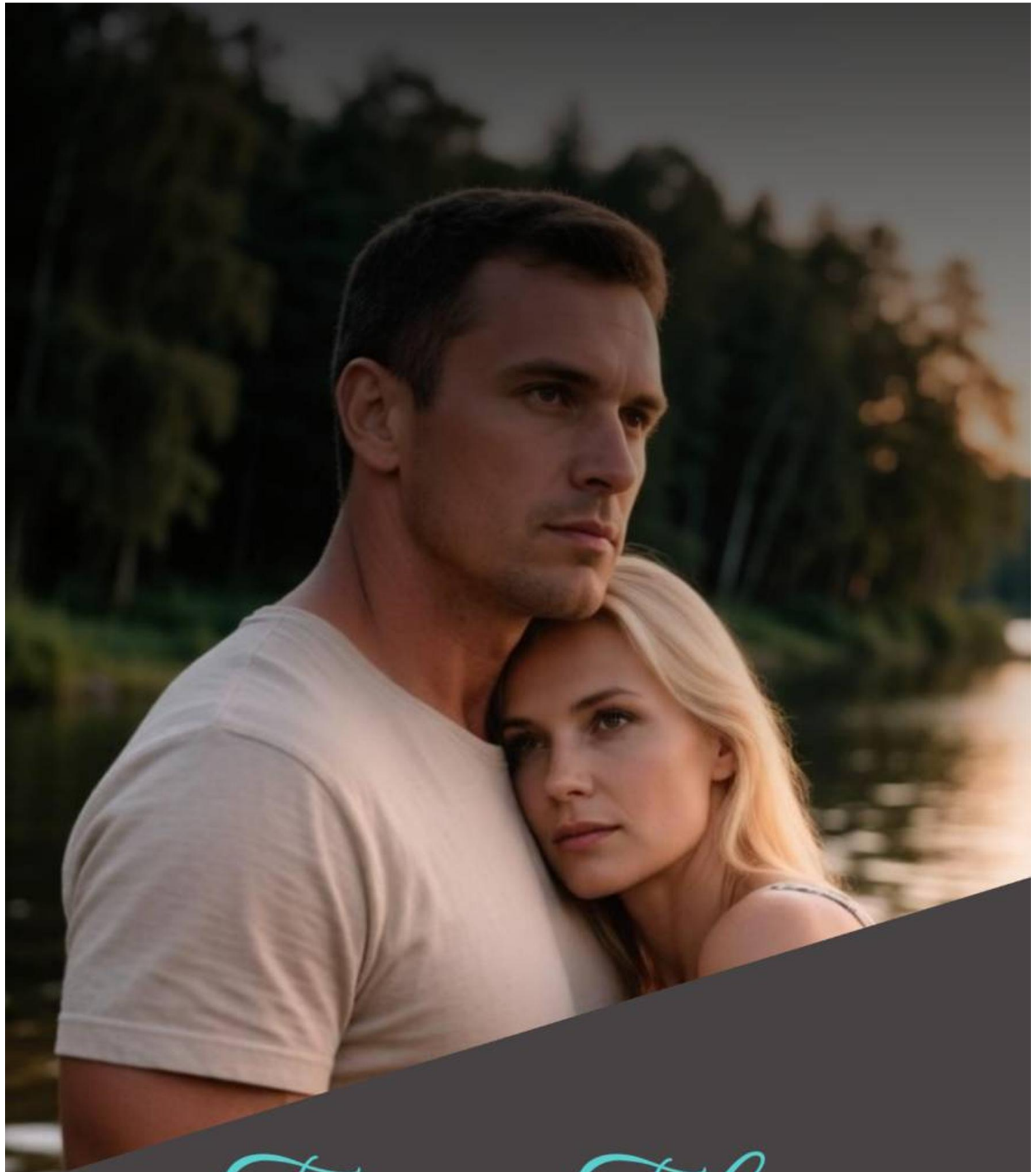

Михая Табаны

Э. Мисакян

18+

Эдуард Мисакян

Тихая гавань (2 часть)

«Автор»

2026

Мисакян Э. С.

Тихая гавань (2 часть) / Э. С. Мисакян — «Автор», 2026

Вторая часть — лиричное продолжение истории о любви, доверии и обретении дома. Это роман о том, как герои учатся оставлять в прошлом боль, страхи и чужие ошибки и строить новые отношения — честные, взрослые, основанные на ответственности друг за друга. Главные темы — право на счастье, преодоление последствий прошлого, тепло семейного дома и мысль о том, что настоящая близость начинается с доверия. Тон повествования тёплый, спокойный, с акцентом на внутренние перемены героев и атмосферу тихой гавани — места, где можно наконец почувствовать себя своим. Герои проходят через трудные, но необходимые решения, учатся защищать себя и своих близких, не теряя способности к состраданию. В финале история утверждает простую истину: счастье возможно, если рядом есть человек, с которым можно строить дом, растить детей и встречать каждое утро с тихой радостью.

© Мисакян Э. С., 2026

© Автор, 2026

Эдуард Мисакян

Тихая гавань (2 часть)

Тихая гавань

Часть 2. «Тихая гавань».

Глава 16. Утро после.

Утро следующего дня началось для Максима с ощущения, что он забыл сделать что-то важное. Он полежал минуту, глядя в потолок, пока не вспомнил: сегодня в шесть у него гости. Алина с подругами. И он сам их пригласил.

Он вскочил так резко, что подушка слетела на пол. В квартире было ещё сумрачно — солнце только подбиралось к окнам. Максим прошёлся по комнате, оглядывая её глазами человека, который давно не замечал беспорядка. Книги на подоконнике, чашка на столе, куртка, брошенная на кресло. Обычная холостяцкая берлога. Но сегодня она должна была стать... чем-то другим.

Он спустился позавтракал, включил телевизор. Смотреть было нечего: одни рекламы. Он переключил на новости. Посмотрел минут 10 и выключил.

Затем он принялся за уборку. Пропылесосил, протёр полки, вымыл посуду. Потом заглянул в холодильник и понял, что к приходу гостей там нет ничего, кроме яиц, сыра и одинокого лимона. Придётся идти в магазин. Посмотрел на часы, время было 10:00.

На улице было свежо. Максим шёл и ловил себя на непривычном чувстве — не тревоги, а какого-то внутреннего подъёма. Он думал об Алине. О том, как она улыбнулась вчера у подъезда. О том, как её пальцы сжали его ладонь. И ещё он думал об Ирине — и это чувство было сложнее: смесь неловкости и сожаления. Он не мог вычеркнуть её из головы, но понимал, что вчерашний разговор поставил точку, которую нельзя переписать.

В магазине он набрал фруктов, сыра, оливок, какого-то печенья и вина. Потом подумал и добавил сока и кока-колы. Продавщица улыбнулась ему, как старому знакомому, и Максим вдруг понял, что улыбается в ответ.

Вернулся домой к двенадцати часам. Положил продукты в холодильник и пошёл в сад возится с розами, проверил колодец, спустился в погреб. Потом зашел в гараж, покопался в машине. На это ещё ушло часа два. Он уже не знал, чем заняться. Пошёл в комнату рядом с кухней, лёг и, смотря в потолок, представляя их встречу, заснул. Проснулся и быстро посмотрел на часы. Потом вышел прогуляться к озеру. Там просидел на скамейке ещё некоторое время. Вернулся домой и стал готовиться. Нарезал сыр, выложил фрукты на тарелку, поставил чайник. Квартира наполнилась запахом апельсинов и свежего кофе. Он взглянул на часы: половина шестого. Как же время длилось медленно!

Наконец около шести раздался звонок. Максим открыл дверь и увидел Алину — она стояла на пороге в лёгком пальто, с бутылкой вина в руках, и улыбалась. За её спиной переминались те же две подруги: одна с коробкой конфет, другая с шампанским.

— Мы не слишком рано? — спросила Алина, и в её голосе была та же осторожность, что и вчера.

— В самый раз — сказал Максим и отступил в сторону. — Проходите.

Девушки зашумели, засмеялись. Подруга с конфетами — её звали Настя — сразу же принялась осматривать полки, а вторая, Аня, смело пошла на кухню, будто была здесь сто раз. Открыла холодильник и положила туда шампанское.

— А у тебя уютно — сказала Алина, заходя в комнату. Она остановилась у окна, глядя на вечерний пейзаж. — Я почему - то представляла твою квартиру другой.

— Какой же?

— Не знаю. Более... холостячкой, что ли. А тут книги. Цветок на подоконнике. — Она обернулась и посмотрела на него с лёгкой усмешкой. — Ты его сам поливаешь?

— Стараюсь не забывать, — признался Максим, и она засмеялась.

Они сели за стол. Открыли вино, шампанское, бокалы наполнились, разговор пошёл легко — о пустяках, о работе, о каком-то сериале, который все смотрели, кроме Максима, о пожаре, о его сломанной ноге. Настя и Аня болтали без умолку, и Максим с удивлением понял, что ему не приходится притворяться: ему действительно было хорошо.

Алина сидела рядом, их локти иногда соприкасались, и каждый раз она чуть заметно улыбалась, не глядя на него. Один раз она поймала его взгляд и тихо спросила:

— Ты чего?

— Ничего, — ответил он. — Просто смотрю.

Она не отвела глаз, но на щеках у неё проступил румянец, который она поспешила спрятать за бокалом.

Где-то в середине вечера Настя вдруг спохватилась:

— Ой, а Ирина -то не придёт? Она говорила, что вы вместе были вчера.

За столом на секунду повисла тишина. Алина бросила быстрый взгляд на Максима, и он понял, что она ждёт, что он скажет.

— Нет, Ирина не придёт, — спокойно сказал Максим.

Настя понимающе кивнула, Аня сделала большие глаза, но Алина мягко перевела разговор на другую тему, и напряжение растворилось так же быстро, как и возникло.

После ужина девушки засобирались. Аня и Настя жили в одном районе и уходили вместе, шумно прощаясь и благодаря Максима за вечер. Алина осталась, чтобы помочь убрать со стола.

Они стояли на кухне вдвоём. Максим мыл бокалы, Алина вытирала их полотенцем. За окном совсем стемнело, и свет фонарей ложился на пол длинными полосами.

— Спасибо, — сказала Алина, не поднимая глаз от бокала. — За вечер. За то, что позвал.

— Это тебе спасибо, что пришла. И что привела их. — Он кивнул в сторону прихожей, где ещё висел шум их голосов. — Я боялся, что будет неловко.

— Было немного, — призналась она. — Но не из-за тебя. Из-за Ирины. Я весь вечер думала, что она могла бы сейчас сидеть с нами. И злилась на себя за то, что мне всё равно хорошо.

Максим поставил последний бокал на сушку и повернулся к ней.

— Алина. Я не знаю, что будет с Ириной. Я не могу это исправить. Но я знаю, что сегодня мне было хорошо с тобой. И я не хочу это прятать.

Она подняла на него глаза. В них не было той настороженности, — только тихая, осторожная радость.

— И что дальше? — спросила она.

Он включил музыку, взял её за руку и тихо сказал

- Я ещё ни разу не танцевал с тобой.

Она улыбнулась, подошла к нему, положила руки ему на плечи. Максим обнял её.

Они впитывали запахи друг друга, и это пьянило сильнее вина. Максим чувствовал её дыхание — тёплое, с лёгкой горчинкой кофе и чего-то сладкого, — и гладил её волосы медленно, будто боялся спугнуть момент. Алина стояла совсем близко, обхватив его, и сквозь тонкую ткань рубашки он ощущал, как быстро бьётся её сердце.

Она подняла на него глаза. В них не было ни страха, ни спешки — только тёплый, ясный свет.

Он коснулся губами её виска, потом щеки, потом уголка губ — не спеша, давая ей возможность привыкнуть, поверить. Но Алина сама потянулась к нему, и поцелуй получился долгим, глубоким, каким-то очень честным. В нём не было игры — только желание быть ближе. Максим провёл ладонью по её спине, чувствуя, как она выгибается навстречу. Пальцы запута-

лись в её волосах, и Алина тихо выдохнула ему в губы. Этот звук отозвался где-то в груди — горячо и тяжело.

Они переместились в комнату, не размыкая объятий. Свет фонаря ложился на пол длинными полосами, и в этом полусумраке всё казалось мягче, тише, интимнее. Алина была в лёгком платье, и он на секунду замер, глядя на неё.

— Что? — прошептала она.

— Ты красивая — сказал он просто. — Я, кажется, не говорил тебе этого вслух.

Она улыбнулась — не насмешливо, а растерянно и счастливо — и прижалась к нему снова. Его руки легли на её талию, потом медленно, очень медленно поднялись выше, скользнули по плечам, по ткани платья. Алина закрыла глаза и положила голову ему на плечо, и он почувствовал, как её дыхание сбивается.

— Максим, — позвала она тихо.

— Я здесь.

Он растегнул молнию на платье — медленно, как будто разворачивал подарок. Ткань мягко соскользнула, и Алина осталась перед ним в тонком белье, освещённая только уличным светом. Она не прикрывалась, не прятала глаз. Только чуть улыбнулась и взяла его ладонь в свою, притянула ближе.

— Иди ко мне — сказала она.

Они опустились на постель, и мир сузился до расстояния между ними. Максим целовал её плечи, ключицы, изгиб шеи, и каждый поцелуй был как вопрос, на который она отвечала тихим вздохом или движением навстречу. Её руки скользили по его спине, по плечам, путались в волосах. Где-то на полу осталась его рубашка, и прохладный воздух коснулся кожи — но тут же согрелся под её ладонями.

Он чувствовал её всю — тонкую, тёплую, живую. Чувствовал, как её сердце бьётся у самого его сердца, как её дыхание становится чаще, как пальцы сжимают его плечи. Время растворилось. Остались только шорох простыней, сбитое дыхание и тихие, почти неслышные слова, которые они говорили друг другу.

— Не торопись, — прошептала Алина. Я хочу запомнить этот миг.

— Не буду, — ответил он.

И он не торопился. Каждое движение было медленным, осторожным, будто они вместе учились чему-то новому. Свет за окном давно перестал иметь значение. Был только он и она — и то хрупкое, тёплое пространство, в котором они наконец оказались вдвоём.

Потом, когда всё стихло, Алина лежала у него на плече, и её дыхание постепенно выравнивалось. Максим гладил её по волосам, смотрел в потолок и чувствовал, что в нём нет ни одной тревожной мысли. Только усталость — светлая, спокойная — и странное чувство, будто он вернулся домой после долгой дороги.

— Максим, — сказала она сонно.

— Да, родная.

— Я рада, что ты вчера вернулся в кафе.

Он улыбнулся в темноте и поцеловал её в макушку.

— Я тоже — сказал он. — Спокойной ночи, Алина.

Она не ответила — уже спала. А он ещё долго лежал, слушая её дыхание, и думал о том, что завтра наступит новый день. И впервые за долгое время ждал его с радостью.

Глава 17. Страх счастья.

Утром он проснулся в восемь. В комнате стоял мягкий серый свет — солнце уже давно пробилось сквозь шторы, и мир уже проснулся где-то за окном. Алина спала рядом, свернувшись на бок, и её дыхание было тёплым, ровным, уже каким-то родным. Максим несколько секунд просто смотрел на неё, потом осторожно поцеловал в плечо, отодвинул одеяло и хотел встать.

— Не уходи.

— Я сейчас.

Он встал, оделся, раздвинул шторы.

Затем пошёл на кухню, сварил кофе и с чашкой вернулся в комнату.

Она уже почти проснулась и нежилась в постели. Он подошёл к ней

— Доброе утро, родная!

Она открыла глаза, нежно посмотрела на него и улыбнулась.

— Я принёс тебе кофе — сказал он, протягивая чашку. Она жадно сделала несколько глотков.

— Спасибо.

Потом опустила погрузневшие глаза и сказала куда-то в сторону:

— Максим, что дальше? Я боюсь. Слишком много счастья обрушилось на мою голову.

А потом, посмотрев ему в глаза, словно моля, спросила

— Ты же не бросишь меня? — Алина сделала паузу и продолжила: — Просто я не вынесу ещё одного... предательства, — и тихо закончила — Я просто не вынесу, понимаешь!

Максим осторожно забрал у неё чашку, поставил на подоконник и накрыл её ладони своими.

— Алина — сказал он твёрдо, но без пафоса, глядя ей прямо в глаза. — Слышишь? Ты просто отвыкла, что можно вот так — просто быть счастливой. Привыкай.

Она слабо улыбнулась, прижалась лбом к его плечу и закрыла глаза.

— Я боюсь быть счастливой. Очень.

Через пару минут она отодвинула одеяло, чтобы встать и одеться. Максим невольно замер. Одеяло соскользнуло с её плеч — медленно, дразняще — и обнажило грудь. Максим замер. Они были идеальны: нежные, округлые, с той совершенной полнотой, что заставляет пальцы сжиматься в кулаки от желания коснуться. Налитые полушария держали форму сами, без всякой поддержки — упругие, словно спелые плоды, налитые соком. И лишь у самых сосков сквозь кожу проступала нежная голубоватая тень, к которой хотелось прикоснуться губами.

У Максима пересохло во рту. Он смотрел, как её грудь вздымается от дыхания — медленно, глубоко, — и каждый вдох приподнимал эти дивные полушария, заставляя их колыхаться едва заметно, но так соблазнительно, что у него закружилась голова. Соски напряглись, потянулись вверх, словно прося прикосновения.

Она чуть повела плечом, и одна грудь качнулась — мягко, лениво, — и Максим почувствовал, как его собственная плоть отозвалась на это движение. Ему безумно захотелось провести по этой шелковистой коже ладонью, накрыть упругую тяжесть, ощутить, как сосок упирается в центр ладони. Он сглотнул, чувствуя, как горит лицо, как низ живота наливается тяжёлым, горячим свинцом.

Она перехватила его взгляд — и улыбнулась, медленно, с лёгкой насмешкой, словно говоря: ну, что же ты? — и от этой улыбки у Максима подкосились ноги.

Она усмехнулась уголком губ. Он покраснел и отвернулся. Заметив это, она улыбнулась.

— Ты стесняешься?

— Да нет... просто...

Она встала. Одеяло упало к её ногам, и Максим увидел всё сразу: узкую талию, плавный изгиб бёдер, округлые, налитые ягодицы, которые держались высоко и упруго, с ложбинкой посередине, стройные ноги, словно отлитые из тёплого воска. Она стояла спокойно, чуть отставив одну ногу, и в этой позе была такая уверенная, ленивая власть, что у него перехватило дыхание.

Она потянулась — неспешно, с наслаждением, — подняв руки и выгнув спину. Грудь приподнялась, соски потемнели и напряглись, живот стал плоским, а под кожей проступила тонкая линия мышц. Максим смотрел, как она двигается, и чувствовал, что не может ни отвести взгляд, ни сделать вдох. Внизу живота у него всё сжалось в горячий узел; плоть налилась так, что стало тесно в собственной одежде.

Она опустила руки и шагнула к нему — медленно, босиком, почти бесшумно. Бёдра качнулись, и это движение отозвалось в нём тупой, сладкой болью. Она остановилась совсем

близко, так, что он почувствовал тепло её кожи, и взяла его руку. Её пальцы были прохладными, а ладонь — мягкой. Она положила его руку себе на талию, чуть выше бедра, и Максим ощутил под пальцами гладкую, упругую кожу, живое тепло, лёгкую дрожь.

— Ну? — тихо сказала она, глядя ему в глаза. — Ты так и будешь смотреть?

Он выдохнул — хрипло, коротко — и провёл ладонью вверх, по её боку, чувствуя, как под кожей перекачиваются мышцы, как напрягается живот. Она чуть запрокинула голову, и он наконец коснулся губами её шеи — там, где бился пульс. Она пахла тёплой кожей и чем-то сладким, едва уловимым. Максим почувствовал, как её рука ложится ему на затылок, как пальцы зарываются в волосы, и это было разрешением — и приглашением, и вызовом сразу.

Она притянула его ближе — властно, нетерпеливо, — и его губы наконец нашли её рот. Поцелуй был глубоким, жадным, почти голодным: она чуть прикусила его нижнюю губу, и Максим почувствовал, как по спине прокатилась горячая волна. Её язык скользнул внутрь, дразня и требуя, и он ответил тем же — руками обхватил её за талию, прижал к себе так, что почувствовал каждую линию её тела: мягкую тяжесть груди, плоский живот, тепло бёдер.

Она потянула его рубашку вверх, и он неловко, торопливо стянул её через голову. Её ладони легли ему на грудь, прошлись по плечам, ногти царапнули кожу — и Максим тихо застонал ей в рот. Она улыбнулась и расстегнула его джинсы. Пуговица поддалась, молния с шелестом разошлась, и её пальцы скользнули внутрь — легко, дразняще, — заставив его судорожно вдохнуть.

— Идём, — прошептала она, отстранившись на полшага. В её глазах был тёмный, пьяный блеск. Она взяла его за руку и повела к кровати, и Максим шёл за ней, не отрывая взгляда от её спины — от того, как двигаются лопатки, как покачиваются ягодички, как напрягается и расслабляется ложбинка вдоль позвоночника.

Она опустилась на постель и потянула его за собой. Он навис над ней, опершись на руки, и на секунду замер, рассматривая её — раскинувшуюся, тёплую, всю свою. Её грудь вздымалась неровно, соски затвердели, кожа под его взглядом покрылась лёгкими мурашками. Она провела ладонью ему по животу, ниже, и обхватила его через ткань — уверенно, собственнически. Максим выдохнул сквозь зубы и опустился ниже, целуя её шею, ключицу, ложбинку между грудями. Она выгнулась навстречу, запрокинула голову, и в тишине комнаты её дыхание стало частым, прерывистым — как и его собственное.

— Не останавливайся, — прошептала она, и в этом шёпоте было столько желания, что у Максима потемнело в глазах.

Она закричала — пронзительно, срываясь на хрип, — и её тело выгнулось дугой, словно от боли, которой она ждала. Максим почувствовал, как её мышцы сжались вокруг его пальцев, как внутренняя дрожь прокатилась по всему телу — от бёдер к животу, к груди, к горлу. Она вцепилась в простыню, комкая ткань, и её крик рассыпался на частые, судорожные стоны.

Он не останавливался. Проводил языком медленнее, мягче, помогая ей пережить волну до конца, пока она не обмякла, тяжело дыша, с влажными блестящими глазами. Её грудь высоко вздымалась, соски потемнели и напряглись, на коже выступила испарина. Она посмотрела на него сверху вниз — расфокусированным, пьяным взглядом — и слабо улыбнулась, облизнув пересохшие губы.

— Любимый мой, — выдохнула она, протягивая к нему руки. — Я хочу тебя.

Максим поднялся, и она тут же обхватила его ногами, притягивая ближе, направляя. Он вошёл медленно, чувствуя, как она подаётся навстречу, как её тело принимает его целиком, горячо и тесно. Она застонала — глубоко, из самого горла, — и запрокинула голову, подставляя шею под его губы. Он целовал её, двигаясь в такт её дыханию, и вскоре она снова начала подниматься к пику — на этот раз вместе с ним.

Её ногти впились ему в спину, оставляя горячие полосы. Она шептала что-то бессвязное — его имя, какие-то слова, которые он не разбирал, — и вдруг снова вскрикнула, сильнее

прежнего, и сжалась вокруг него так, что у Максима потемнело в глазах. Он продержался ещё мгновение — и сорвался следом, с глухим стоном уткнувшись лицом в её плечо, чувствуя, как по телу прокатывается тяжёлая, сладкая волна.

Они лежали, не разжимая объятий, тяжело дыша. Её пальцы медленно перебирали его волосы, а он слушал, как выравнивается её пульс, как успокаивается дыхание. В комнате пахло тёплой кожей и чем-то ещё — сладким, терпким, их общим.

Но тишина не продлилась долго. Она повернула голову, и её губы скользнули по его виску, по скуле, к уголку рта — легко, почти невесомо. Максим почувствовал, как её нога медленно скользит вверх по его бедру, как пальцы снова начинают рисовать узоры на его спине — уже не успокаивающие, а дразнящие, требовательные.

— Ты думал, это всё? — прошептала она, и в её голосе снова прорезалась та тёмная, пьяная нотка. — Я ещё не закончила с тобой.

Она толкнула его в плечо — резче, чем в первый раз, — и Максим упал на спину. Она оседлала его сразу, без предисловий, и её ногти прошли по его груди — четыре горячие полосы. Он зашипел сквозь зубы, а она улыбнулась, наклонилась и прикусила его плечо — не больно, но так, что он дёрнулся. Её волосы упали на лицо, щекоча ему грудь. Она выпрямилась, потянулась всем телом — медленно, как кошка, — и Максим смотрел, как в тусклом свете двигаются тени по её животу, как вздымается грудь, как блестят от испарины ключицы.

Он положил ладони ей на бёдра, чувствуя под пальцами горячую, влажную кожу, и она качнулась вперёд — всего один раз, пробуя, дразня, — и его дыхание снова сбилось. Он попытался податься навстречу, но она перехватила его запястья и прижала к подушке.

— Не смей, — выдохнула она ему в губы. — Я сказала: смотри.

Она двигалась медленно, мучительно медленно, и каждый раз, когда он пытался ускорить ритм, она останавливалась, замирая, и смотрела ему в глаза с откровенным, собственническим вызовом. Её ладони лежали у него на груди, ногти слегка впивались в кожу, и Максим слышал собственный хриплый выдох, вырывающийся из горла.

— Я хочу запомнить каждое мгновение. Скажи, что хочешь меня, — потребовала она.

— Хочу, — выдохнул он. — Очень хочу.

— Скажи это ещё.

— Хочу тебя. Сейчас. Сильнее.

Она улыбнулась — и отпустила его запястья. Максим перевернул её одним движением, завёл руки за спину и прижал запястья к простыне. Она вскрикнула — не от испуга, от торжества. Он вошёл в неё резко, глубоко, и она обхватила его ногами, скрестив лодыжки у него за спиной, притягивая ещё глубже. Максим двигался уже без осторожности, без расчёта — только жадно, глубоко, в такт её стонам, которые становились всё громче, всё отчаяннее.

— Ещё, — выдохнула она, и это слово прозвучало как приказ. — Не останавливайся.

Он вцепился в её волосы — не больно, но так, что она запрокинула голову, — и она застонала, выгибаясь дугой. Её губы нашли его губы, поцелуй был смятым, неточным, прерывистым — они дышали друг другу в рот, и Максим чувствовал, как её тело сжимается вокруг него, как дрожь начинается где-то глубоко и прокатывается волной, ломая её, заставляя выкрикнуть что-то бессвязное, почти злое от переполняющего чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.